

НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ – ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА БУДУЩЕГО

Рассмотрены альтернативные платформы развития рыночной экономики, показано, что новый прагматизм, основанный на минимизации неравномерного распределения доходов, позволяет добиться большего роста общественного удовлетворения, чем при росте неравенства. Приведенные результаты указывают те рычаги, на которые, в первую очередь, должно задействовать государство в ходе регулирования развития экономики.

Ключевые слова: неравенство, неолиберальный капитализм, новый прагматизм, индекс Джини, трансформация системы ценностей.

Как совместить практический подход к экономике с принципиальностью? Можно ли быть одновременно хозяйственным прагматиком и человеком с принципами? И стоит ли? И можно, и стоит. Если мы хотим, чтобы мир будущего был миром спокойствия и гармоничного развития – а ведь мы очень этого хотим – следует в процессы экономического репродукции восстановления внести новые ценности, но при этом ни на одну минуту нельзя забывать о прагматизме, который является фундаментальным, неликвидным непреходящим неизбывным признаком рационального ведения хозяйства. Нужен прагматизм, способствующий многокультурности и выходящий из той системы ценностей, которая способствует партиципационной глобализации, социальной сплоченности и уравновешенному развитию.

Здесь нет противоречия, поскольку имеет место далеко продвинутая хорошо развитая тождественность между главными ценностями, лежащими в основе общественных процессов ведения хозяйства, а также его экономическими целями. В обеих трактовках самое важное – это сбалансированное долгосрочное общественно-хозяйственное развитие. В его основе – три составляющие:

- (1) рост, сбалансированный в экономическом плане, то есть относительно рынков товаров и капитала, инвестиций и финансов, а также рабочей силы;
- (2) рост, сбалансированный в социальном плане, то есть основанный на справедливом, общественно акцептующем разделении доходов, а также соответствующем участии основных групп населения в общественных услугах;
- (3) рост, сбалансированный в плане экологии, то есть основанный на сохранении соответствующих соотношений между хозяйственной деятельностью человека и природой.

Таким образом, не нужно класть на алтарь безотлагательных конъюнктурных или тактических дел базовые принципы, следует подчинить этим принципам практическую стратегическую деятельность. Этот императив определяет тропу эволюции политической экономики будущего. Хорошая экономика – это не только описание мира; а также инструмент для его изменения к лучшему.

Соотношение доходов имеет принципиальное значение для продолжительного во времени экономического роста. В частности, ему способствует их уравновешенное распределение. Этот вывод опирается на компаративистические исследования длительных наблюдений и является неопровержимым. Более прочный экономический рост присущ странам с относительно низкой степенью неравномерности в доходах. Более того, соотношение доходов там имеет большее значение для экономической динамики, нежели либерализация торговли и качество политических учреждений [1]. Уже это утверждение подсказывает, на что политика развития должна обращать особое внимание в будущем.

Огромное значение имеет возможность реализации двух целей «одним выстрелом», причем одна из них – социально уравновешенное распределение доходов служит средством для реализации другой, то есть экономического роста. Этой зависимости не сумела и не хотела понять нелиберальная экономическая мысль, а также основанная на ней экономическая политика и поэтому, ведя к серьезному кризису, сама себя разрушила. Не сумела этого понять также экономическая мысль, отображающая постулаты государственного капитализма и поэтому он также не имеет лучезарного будущего. Пришло время Нового Прагматизма.

Мы несколько не игнорируем соперничество нелиберального капитализма с государственным капитализмом, но вместе с тем не эта дихотомия будет иметь принципиальное значение для будущего. Ее форму предприсудит результат конфронтации обеих этих систем современного капитализма с социально-рыночной экономикой в форме Нового Прагматизма. Главная линия столкновения проляжет между стремящимся вернуть силы и позицию нелиберализмом, а также враждебным по отношению к нему государственным капитализмом и концепцией аутентичного общественно-экономического прогресса. Его плоды должны быть доступными широким массам, а не только узким кругам, которые руководствуются партикулярными интересами, а также их хорошо оплачиваемым лоббистам в политике, медиа и "науке". Ни одна из систем, в которой большинство населения пребывает в экономически неблагоприятных условиях и стоит на грани социального "маргинеса", а узкие группы, называемые "элитами", в то же время купаются в чрезмерном богатстве, не имеет перед собой перспективного будущего.

И что знаменательно: даже оплот экономической ортодоксии, которым в течение многих лет был международный валютный Фонд, признает, что политика преодоления кризиса в высокоразвитых странах – как в Соединенных Штатах, так и в Европейском Союзе – должна сосредоточиться на повышении налоговых поступлений (прежде всего со стороны более состоятельных слоев населения), нежели на урезании бюджетных расходов (прежде всего адресованных более бедным слоям). Стоит сразу добавить, что увеличение фискальных поступлений не должно везде и всюду сводиться к поднятию налогов, потому что данной цели можно достигать также путем ликвидации налоговых льгот, а также усовершенствования механизмов стягивания взыскания причитающейся суммы. В результате все это приводит к изменениям в структуре конечного спроса, также уменьшается масштаб диспропорций в доходах, что способствует ограничению как причин кризиса, так и его последствий.

Тот же результат достигается в тех типах экономики, которые эмансипируются редистрибуцией доходов. Редистрибуция, в свою очередь, приводит к редукции неравномерности в распределении доходов и в результате способствует экономическому развитию.

Более того, при определенном уровне национального дохода и минимизировании его неравномерного разделения можно добиться большего роста общественного удовлетворения, чем даже при условиях его **количественного** роста. Это подсказка для экономической политики имеет капитальное основополагающее значение – в конечном итоге не только для политики, но также для воспитательно-дидактичной системы. Чем больше люди будут это понимать, тем легче будет двигаться в подобном направлении. Но вместе с тем существует риск, что политика, основываясь на таком тезисе, вместо того, чтобы быть прагматичной, может оказаться популистской. Еще большая трудность состоит в том, что прирост продукции измерить достаточно легко, что же касается уровня удовлетворенности населения – оценками легко манипулировать.

Можно существенно повысить уровень общественного удовлетворения, снижая коэффициент Джини касательно того или иного пункта, вместо того, чтоб завзвинчивать традиционно просчитанный ВВП на несколько процентов. Экономическая политика в будущем вынуждена будет все чаще прибегать к таким действиям. Это будет легко реализовать, потому что, с одной стороны, безусловный уровень продукции и потребления будет постоянно расти, а с другой – еще больше увеличится нынешний уровень неравномерности доходов. Иными словами, при рассмотрении проблемы неравенства – из этой ситуации всегда можно найти выходы. Поскольку в бедных странах еще много лет наибольшее значение будет иметь экономический рост, то в большинстве богатых стран – за исключением общественных рыночных экономик, которые

характеризуются низкой степенью неравномерности, – соответственно целенаправленные изменения в распределении доходов.

Более того, необоснованным неравенствам, которые возникают вследствие патологии распределительных отношений, следует решительно противодействовать, поскольку они ослабляют взаимное доверие между людьми, что, в свою очередь, вредит общественному капиталу, без которого невозможны процессы развития [2]. Если доверием не наделяются разные профессиональные и социальные группы, если общество не испытывает доверия к власти, а она отвечает ему взаимностью, если не доверяют друг другу предприниматели, общественный капитал вместо того, чтобы умножаться, разрушается. В экономике – как в семье; даже если денег достаточно, но не хватает доверия, дела обстоят плохо.

А как обстоят дела с накоплением капитала? Ведь он необходим для нормального функционирования экономики, прежде всего для инвестирования в модернизацию существующих и создания новых производственных сил. Разве короткая шкала дохода не ослабит склонность к экономии, следовательно, к созданию капитала и его инвестированию в лучшее будущее? Ничуть.

Нет ни эмпирических, ни теоретических доказательств, что в экономиках с более однородной структурой доходов больше экономят и меньше инвестируют. Достаточно проследить течение соответствующих процессов в сфере формирования капитала в Австрии, Франции, нордических государствах и других странах с приближенной к этой точки зрения характеристике, чтобы удостовериться, что их более эгалитарные общества сумели экономить не меньше, чем в странах с более элитарными моделями распределения доходов.

Для подтверждения данного тезиса – выводы, которые несложно вывести из сравнения экономик с так называемым большим или меньшим «государственным участием». В течение нескольких десятков лет (1960–1995) в странах с малым, приблизительно 30-процентным участием государства в перераспределении национального дохода (и в связи с этим с большими неравномерностями в его разделении) уровень инвестиций, то есть их процент в ВВП, составлял в среднем 20,7%, а в странах с большим масштабом бюджетной редистрибуции, с приблизительно 50-процентным участием государства в ВВП (и в связи с этим относительно меньшими неравномерностями в распределении доходов), уровень инвестиций составлял в среднем 20,5%. Практически никакой разницы. Можно иметь такую же способность к формированию капитала, что решает вопрос об экономическом росте в будущем, при менее неуравновешенном разделении доходов, что свидетельствует об удовлетворении состоянием экономики в нынешнем времени сегодня. И это является важным наставлением экономической

политики Нового Прагматизма. Именно такое положение вещей должно быть в будущем так должно видеться будущее.

Неустанный рост человеческих потребностей с сопровождающим их непреодолимым стремлением к удовлетворению – это обоюдоострый меч. Перешагивая многие барьеры и перманентно стимулируя хозяйственную конъюнктуру, он является неликвидным звеном процесса расширенного производства, то есть экономического роста. Вместе с этим выступает разрушительной силой, поскольку умеет затуманивать разум, искажать предпочтения, провоцировать предосудительные свойства и впоследствии внедрять в ведение хозяйства иррациональные элементы.

Большую проблему представляет неукротимый рост потребительских запросов. Глубокий кризис слегка их ослабил и немного переместил во времени. Этот феномен – результат определенной системы ценностей. С того времени, как несколько веков назад человечество вырвалось из оков простой репродукции простого воспроизводства – когда размер и условия производства и потребления воссоздавались от периода к периоду без изменений, – и перешло к количественному росту, потребности остаются неудовлетворенными, несмотря на постоянно растущий размер производства.

В прошлом достаточным для жизни человека был тот объем продукции, как, например, год назад, а на данный момент главным приоритетом является количество – чем больше, тем лучше. Но действительно ли лучше? Говорят, что аппетит приходит во время еды, но это господствующее экономическое «обжорство», а вместе с ним хозяйственная «тучность» приводят к многочисленным общественным патологиям. Экономике как и другим здоровым организмам нужна рациональная диета». Экономике будущего нужна умеренность.

Кроме роста удовлетворения потребностей, существует еще больший темп развития самих потребностей. Что мы получаем в итоге? Несмотря на постоянный экономический рост, разрыв между потребностями и их удовлетворением все равно увеличивается. Несмотря на то, что мы имеем больше, нам не становится лучше. Эта проблема по своей сути психологическая, но она имеет огромные экономические последствия. В свое время я определил этот синдром как парадокс низшего уровня удовлетворения потребностей при высшем уровне потребления [3]. Эту проблему необходимо решить, в противном случае это вечная погоня за количеством производимых товаров будет продолжаться, что приводит к истощению окружающей среды и общественному хаосу, но при этом удовлетворенность от потребления так и останется на прежнем уровне. Тогда к чему эти жертвы?

Прежняя логика общественного процесса репродукции заключается в автономно растущих потребностях владения и потребления разнообразных товаров, что стимулирует рост их продукции. Одновременно растут

доходы, за которые можно приобретать производимое и пользоваться теми или иными услугами. Растут также сами потребности, которые в эпоху консьюмеризма, как правило, удерживаются выше уровня их удовлетворения. Следовательно – возникает определенное состояние напряжения, которое выступает как движущей силой экономического роста, так и причиной недовольства из-за существующего положения вещей. Если потребности растут быстрее, чем удовольствие от их потребления, увеличивается также индивидуальная и общественная фрустрация. Есть только один способ избежать этого синдрома – замедление темпа роста потребностей.

Теоретически можно постулировать ускорение (увеличение) темпа роста продукции, но по уже хорошо известных нам причинам, практически это не является возможным, а аксиологически – не показано. Более того, из сущности нынешней формы механизма репродукции следует, что ускорение экономического роста влечет еще большее ускорение нарастания потребительских appetitов и система вновь возвращается к этому же синдрому.

Так же как постулирование нулевого роста является экономическим нонсенсом, общественный нонсенс – пускать проблему потребительских потребностей на самотек. Традиционная экономика предполагает, что потребности не ограничены, и в принципе вообще не занимается этой категорией. Сосредоточивается на исследовании факторов, формирующих эффективный спрос, следовательно только на потребностях, которые могут быть удовлетворены, потому что поддерживаются реальной покупательской способностью. Если ты хочешь иметь новейший iPad – это потребность. Если у тебя есть, за что его купить – это спрос. Если же ты хочешь его приобрести, но не имеешь средств для осуществления покупки, ты не являешься предметом заинтересованности узко представленной экономики. А вот когда найдутся деньги, ты становишься объектом ее исследований.

Можно сузить подход к делу и заниматься исключительно тем, как создать спрос, чтобы можно было продать то, что мы умеем производить. Но ведь лучше расширить поле размышлений и найти ответ на вопрос, какие из потребностей и как побуждать, чтобы таким образом мотивировать людей к получению образования и более производительной работе, что в будущем будет приносить высокие доходы и в результате пользоваться большим спросом. Поэтому становится очевидным, что современная экономика не может не заниматься механизмами формирования потребностей и способами их удовлетворения. Этим больше интересуются такие направления, как бихевиоральная экономика и некоторые общественно ориентированные течения экономической мысли.

Исследование потребностей – их характера и структуры, приоритетов и предпочтений необходимо с точки зрения управления развитием реальной

сферы экономики. Потому что существенная часть потребностей со временем становится спросом. На многие потребности, которые на микроэкономическом уровне будет стараться распознать маркетинг и которые исследует экспериментальная экономика, следует посмотреть как на потенциальный спрос. Пока что его на рынке нет (или он существует в форме "торговой выставки", то есть сам процесс можно сравнить с гулянием по торговым пассажам, чтобы посмотреть, "что предлагают", и помечтать, что можно было бы купить, если бы было за что), но со временем он может там появиться. Естественно, это не просто вопрос времени, скорее – результат роста реальных доходов покупателей или изменений их потребительских предпочтений. Таким образом мы выяснили, что часть потребностей – это потенциальный спрос, который станет реальным, и нужно заблаговременно знать, каким реальным предложением придется его уравновесить.

Если речь идет о смартфоне нового типа, его нужно оставить исключительно рынку. Если же об услугах здравоохранения или развития механизации, – будет очень кстати, если государство уважит учет импликации грядущих изменений в бюджетной и инвестиционной политике.

Очевидно, что с течением времени наши желания и стремления будут меняться, и соответственно изменятся предложения. Пребывая под давлением постоянного разрыва между потребностями и стремлениями, с одной стороны, и удовлетворением и владением – с другой, мы будем мотивированы на поиск дополнительных доходов, потому что повышение стандарта жизни потребует увеличения расходов. Если мы не можем иметь получить больше и лучше сегодня, мы постараемся достичь всего этого завтра. Следовательно, экономика будущего это не экономика *stanu* состояния, а экономика изменений.

Дело необыкновенно сложное с каждой точки зрения – этической, психологической, общественной, экономической, юридической, политической. Ведь людям нельзя запретить стремиться владеть чем-то, как и нельзя приказывать им чего-то хотеть. Это была бы реальность Оруэлла. Естественно, есть исключения, когда ситуацию следует контролировать, особенно там, где имеют место негативные внешние эффекты потребления (например, в случае с наркотиками, огнестрельным оружием или необузданным азартом). Следовательно, в общественных интересах, чтобы потребности такого рода контролировались и изживались, нужно организованной деятельностью предотвращать их распространение. Но некоторые потребности полностью контролировать не удастся.

Для примера можно рассмотреть сухой закон в США в 20-х годах. Его отменили из-за того, что он был признан неконституционным. Иными словами, людям не понравилось, что вместо них принимают решения о

том, употреблять алкоголь или нет. Но есть сферы, которые просто необходимо очень жестко контролировать. Например, нельзя допустить либерализацию рынка наркотиков и порнографии.

Именно поэтому, учитывая общепризнанные ценности, во многих сферах на законодательном уровне вводятся те или иные ограничения, чтобы wy tłumić приглушить эскалацию потребностей в этой сфере, но вместе с тем вводятся в действие запускаются механизмы черного рынка. С другой стороны – небольшая толерантность в Голландии по отношению к "мягким" наркотикам повлекла спад спроса на вредные "твердые" одурманивающие средства. Опыт Дании свидетельствует о том, что либерализация рынка порнографии поспособствовала спаду уровня сексуальных преступлений. С точки зрения основной культурной и воспитательной цели применение исключительно ригористических запретов приводит к ограниченному эффекту и иногда – к отрицательным побочным последствиям. Значит, это направление не совсем верное.

Куда же следует двигаться? Сам рынок никогда не оказывает сопротивления этому вызову, следовательно, нужны определенные общественные организации, а прежде всего государство с его регулированием, а также инвестициями в человеческий капитал, потому что чем выше является вытекающий отсюда уровень общественного сознания, тем интеллигентнее станет формирование собственных потребностей. Стоит отметить, что образование имеет принципиальное влияние на характер потребностей. Вместе с ростом образования потребности перемещаются в сторону культурных благ и услуг. Когда доходы растут, а уровень образованности нет, это несет определенные последствия для экономики. Вспомним классический пример: меньше водки – больше книг. Первую потребность стоит ограничивать, а вторую культивировать, применяя с этой целью фискальные инструменты.

На вопрос о том, каким образом этого достичь, педагог ответил бы так: путем образования и воспитания. Священник бы не сомневался, что дело в совести, формирующей привычки и личность. Психолог порекомендовал бы культивирование соответствующих черт характера. Социолог посоветовал бы создать привлекательные образцы общественных взаимодействий, которым можно подражать.

А что должен сделать экономист? Неолибералист знает: оставить все как есть и дальше рассказывать разные небылицы о том, что и czyć może может стать миллионером или в настоящее время каждый выпускник школы бизнеса – Крезом. Зато честный экономист подойдет к делу прагматично. Сначала попробует разузнать как можно больше информации обо всех вышеупомянутых дисциплинах, чтобы потом предложить механизм действий в виде треугольника развития, главными вершинами которого будут ценности, учреждения (институты) и политика.

И ни на минуту не забудет о том, что то, чего люди хотят, в огромной мере зависит от того, что они знают.

Уменьшить разрывы между нарастанием субъективных потребностей и объективными возможностями их удовлетворения не удастся без соответствующих переоценок в сфере индивидуальных и социальных стремлений. Не удастся их уменьшить также без соответствующих регулирований, блокирующих экспансию "негативных, плохих" потребностей и рассудительно содействующих "добрым". Это может быть стимулирование интереса к спортивной активности или чтению книг. Все это не удастся сделать без «примыкания» к «смычки» с конкретной политикой, где особое значение имеет недопущение к чрезмерно прибыльному и имущественному расслоению общества.

Возьмем конкретный пример. Пока все соседи ездили на работу на «Фиате», ни один из них не нуждался в «Мерседесе». Когда несколько из них пересели в «Мерседес», другие испытали острую потребность сделать то же самое. Классический эффект демонстрации. В индивидуальном случае он может мотивировать к повышению квалификации и поиску лучше оплачиваемой работы. В макромасштабе – ведет к тому, что кроме увеличения национального дохода растет недовольство людей. Хотя раньше большинство из них добиралось на работу на общественном транспорте.

Хочу отметить – мои рассуждения не служат призывом к какому-либо антимотивировочному эгалитаризму, они лишь подчеркивают значение общественно уравновешенного разделения доходов. То есть такого их дифференцирования, которое, принципиально отражая вклад отдельных личностей и групп в создание национального дохода, гарантирует справедливое и эффективное их участие в его распределении.

Опять же обратимся к наглядному примеру. Много говорится о несомненных достоинствах tablet (планшетного компьютера) и том, что он необходим большому количеству людей. Его имеют многие в Соединенных Штатах, немало – в Польше, немного меньше – в России, еще меньше – в Китае и почти совсем не имеют на Кубе. В случае исследования общественного мнения оказалось бы, что более всего испытывают недовольство из-за «невладения» tablet в Польше – в несколько десятков раз больше, чем на Кубе. Главная причина – наличие данного устройства у меньшего количества людей, следовательно, и недовольных будет меньше. Что мы имеем в итоге? Нехватка эффекта демонстрации (по крайней мере, на данный момент). С течением времени потребность в планшетном компьютере там тоже возникнет, но пока нет реалистичных перспектив ее удовлетворения, ее не следует «раздувать». И наступит момент, когда люди (неважно, на Кубе или в Польше) начнут покупать «таблетки», потому что или сами научатся его производить, или с рентабельностью продавать за границу ту или иную продукцию, чтобы

иметь за что их импортировать – потребность разовьется сама, без телевизионных клипов, полосных газетных реклам или больших билбордов, которые стимулируют скорее больные эмоции чем здоровые усилия.

Так, нужно иметь амбиции – как отдельным личностям, как и целым народам. Без амбиций трудно зайти далеко и подняться высоко. Но когда амбиции носят гипертрофированный характер, не подкреплены возможностями, человек испытывает разочарование из-за невозможности их удовлетворения, которое может перерасти в настоящую депрессию. Избыток амбиций не содействует развитию, а препятствует ему. Есть принципиальная разница между амбициозными виденьями и наивными иллюзиями. Именно первые должны быть присущи руководителям всех уровней. Их стремления должны обладать реальным культурным и экономическим потенциалом, а не превращаться в популистские пустые обещания.

Естественно, что общества и народы всегда стремятся «догнать» если не сразу Японию, то, по крайней мере, более богатого соседа. Мексиканцы мечтают о том, чтобы стать другими Соединенными Штатами, словаки хотят, чтобы у них было так же хорошо, как в Австрии, эстонцы сравнивают себя с Финляндией, и вьетнамцы намереваются обогнать Таиланд. Когда-то даже на PNG University в Порту Морсби меня спросили, когда в Папуа Новой Гвинее будет такой же уровень жизни, как в Австралии, а каирская журналистка хотела узнать, что я думаю о политиках Египта, которые объявляют о том, что смогут «догнать» Турцию на протяжении семи лет. Это и есть мегаломания, потому что в этом случае потребовалось бы удвоить ВВП на жителя Египта за этот период (нереалистичное основание), при условии (также нереалистичном), что в Турции в то же время будет полная стагнация, в то время, как там из года в год очень хорошо развивается конъюнктура.

Желание подняться вверх служит одной из важнейших приводных сил нивелировки развивающихся отличий, но когда формулируются неосуществимые задачи в определенном промежутке времени, люди могут терять вдохновение. В своих амбициях надо всегда оставаться реалистом, то есть прагматиком. Польша может когда-то достичь ВВП на жителя на уровне Германии – так же, как это удалось ирландцам по сравнению с британцами, но это не может произойти при одном поколении в течение жизни одного поколения, и даже при самой лучшей политике последних нескольких лет даже двух и трех может не хватить. Все познается в сравнении. Испании удалось приблизиться до уровня ВВП, которым довольствуются французы (35 600 долларов на жителя), а португальцам (соответственно 23 700) не удалось достичь этого относительно Испании (31 000). Отсюда следует утверждение постулат для политики экономического развития: умей оценить свои силы. Главное – не

переоценить свой потенциал, в противном случае не сумеете найти возможности для реализации собственных целей.

Речь идет не о том, чтобы ограничивать человеческие потребности, следует всяческими способами добиваться удерживания необходимой с точки зрения удовлетворения общественной гармонии между нарастанием старых и появлением новых потребностей и реалистичными возможностями их удовлетворения.

Поскольку в самом широком измерении вещь сводится к длительной максимизации степени общественного удовлетворения от экономической активности, следует посмотреть на Новый Прагматизм через призму целей общественно-экономического развития, определить его сущность и методы.

Удовлетворение потребностей людей при их полном «удовлетворении жизнью» – это цели развития согласно ценностям Нового Прагматизма. Рост ВВП – это средство достижения цели, а не цель. Самое время высокоразвитым странам уходить от максимизации дохода, прежде всего от взвинчивания валового внутреннего продукта. Если увеличивающиеся в течение полувека доходы не повлияли на рост удовлетворения жизнью богатых американцев, зачем так мучиться и нести дополнительные расходы, также в виде увеличения продолжительности рабочего времени, и еще более уничтожая окружающую среду? [4].

Кстати, кое-что интересное в этом направлении уже происходит, потому что даже во время президентской избирательной кампании в США в 2012 году уже меньше говорилось о количестве, а больше – о качестве, как бы меньше о самом росте продукции, а больше о других аспектах рассудительного ведения хозяйства, например, финансовом и торговом равновесии, публичных услугах, трудоустройстве, хотя и по-прежнему слишком мало о культуре и среде. Трансформация взглядов произошла под влиянием кризиса, но отчасти также путем эволюции способа мышления. Это хорошо, ведь мы становимся свидетелями принципиальной переформулировки целей общественно-экономического развития. В будущем главным приоритетом будет не сама максимизация доходов, а увеличивающееся удовлетворение от сбора и разделения плодов этого роста, а также нематериальные ценности.

Допускается мысль, что если бы пропорции доходов в США складывались так, как в скандинавских (что я считаю полностью невозможным, учитывая американские ценности) государствах, ощущение взаимного доверия между людьми могло бы вырасти аж на 75 процентов, а количество случаев психических расстройств уменьшилось бы на две трети. Число подростков, у которых рождаются дети, уменьшилось бы вполовину, а количество заключенных – на три четвертых. Люди в итоге жили бы не только дольше, но и счастливее, потому что их рабочее время

могло бы быть сокращено на одну шестую, то есть в сумме – на два месяца в году [5].

Соединенные Штаты – не пуп земли и уже никогда не получат такую способность навязывать свои ценности другим, как непосредственно после окончания холодной войны, но изменения, совершаемые там, имеют значение не только для американцев, но также для других людей, которые все время равняются и мечтают достичь уровня жизни США. И подавляющее большинство влиятельных книг по экономике и других общественных науках появляется на английском языке именно в Соединенных Штатах.

В этом контексте позитивным является то, что количественная экспансия в виде традиционно понимаемого экономического роста ослабевает по превышении порога ВВП в размере около 20 тысяч долларов на человека. Даже если окажется, что в условиях нынешней научно-технической революции динамика гаснет на высшем количественном уровне – скажем, 30 тысяч долларов в нынешних ценах, нужно будет радоваться, потому что возрастут шансы на выживание окружающей среды и больше времени будет посвящаться дальнейшему технологическому прогрессу, уменьшающему чрезмерное потребление невозобновляемых запасов. Следовательно, стоит радоваться еще и потому, что при более свободном количественном росте экономисты и политики обратят больше внимания на другие аспекты, которые решат вопрос качества жизни и удовлетворения, которое отсюда вытекает?

Я предлагаю другой измеритель хозяйственного прогресса, определяя его как Интегрированный Показатель Благополучия, сокращенно ИПБ [6], – как почтовый индекс, указывающий, в какую сторону направляться, чтобы не потеряться. Всего лишь отчасти он зависит от ВВП, поскольку ценность этого композитивного показателя определяют также иные факторы. Детальнее – ИПБ состоит из:

- (1) уровень валового внутреннего продукта – 40 процентов;
- (2) субъективная сфера самочувствия, связанная с общей степенью удовлетворенности жизнью, в том числе и уровнем социальных услуг, а также с оценками дальнейших его перспектив – 20 процентов;
- (3) оценка состояния окружающей среды – 20 процентов;
- (4) оценка свободного времени и наполняющих его культурных ценностей – 20 процентов.

В этом предложении – достаточно безапелляционном – речь идет не о деталях, а о направлении поисков. Выход из нынешней затрудненной ситуации условный, потому что является императивом определения целей экономического развития. Не упираясь следовательно на ИПБ, который едва ли является общей концепцией, а не скорее, *zoperacjonalizowanym* заоперационализированным измерителем, в этой фазе можно высказаться

за самое широкое – если это возможно, повсеместное – применение исправленного под углом неравенства в разделении доходов показателя человеческого капитала, IHDI. Наступило время напомнить политике, что к этому заданию надо подойти очень внимательно.

Представим себе, что в ближайшем и таким желательном для нас будущем в американской Палате представителей и британском Парламенте, в немецком Бундестаге и испанских Кортесах, в бразильском Сенате и даже в Общекитайском Собрании народных представителей депутаты дискутируют о способах увеличения ценности человеческого капитала и лимитирования прибыльных неровностей. Представим себе, что замысел, как увеличить IHDI, является главным пунктом спора между претендентами в Белый дом на выборах 2020 года в Соединенных Штатах или обсуждения при широко открытых дверях представителей Политического офиса Коммунистической Партии Китая в 2022 году (будет существовать и будет править). Представим себе депутатов Сейма РП и русской Думы, которые спорят не об интерпретациях исторических *zaszłości* перепетий или ограничениях прав сексуальных меньшинств, а о направлениях институционных решений, а также инструментах макроэкономической политики IHDI, ведущих к увеличению, хотя бы потому, что знают, что от этого будут зависеть их дальнейшие политические судьбы. Или это трудно представить? Или это все еще политико-экономическая научная фантастика?

Для того чтобы это стало реальностью, – а особенно если бы за предложениями экономики как нормативной дисциплины следовали соответствующие действия экономической политики, – необходим охват сущности экономики умеренности – именно об этом идет речь в концепции Нового Прагматизма.

Экономика умеренности – это приспособление человеческих, натуральных, финансовых и вещественных потоков к требованию сохранения динамического равновесия. Бурные изменения последних несколько десятков лет вместе с тем вызваны глубоким неравновесием на разных отрезках, как и их следствием. Нас окружает экономика перманентного неравновесия, потому что все время либо чего-то слишком много, либо чего-то не хватает. Что-то есть в избытке, что-то другое – в дефиците.

В будущем нам нужна экономика умеренности, а не эксцессов, дефицитов, неравновесия и кризисов. Все это еще неоднократно случится с человечеством и народными экономиками, но это должны быть исключения, а не правила. Правилom должна стать умеренность и приспособление к реальным возможностям экономического роста. Правилom должны стать умеренные отличия в доходах, а не крайности, истощающие большие толпы людей и приводящие к последующим революциям. Правилom должна быть умеренность в маркетинговом

безумии, образующем потребности, полностью оторванные от реалий эффективного спроса. В конечном итоге правилом должна быть умеренность в переработке очередных кусков матушки-Земли на товары, которые должны быть выгодно проданы их производителями, хоть владение ими и их потребление уже не вызывает удовлетворения потребителей.

Не хватает сырья и бюджетных доходов, зато в избытке – мусора и всевозможных задолженностей – начиная с домашних хозяйств и фирм и заканчивая целыми государствами. Не хватает технологий изготовления чистой и возобновляемой энергии, в избытке – технологии производства оружия массового поражения. Достаточно банков *со nadpłynnością* сверхликвидностью, готовых предоставлять кредиты наивным потребителям, но не хватает кредитов для малых предприятий, потому что контролировать их труднее. Во многих странах и регионах очевиден избыток людей, которых нельзя прокормить, а где-то продолжается обезлюдение территорий, до недавнего времени процветающих. В некоторых экономиках на волне спекулятивного «пузыря» на рынке недвижимости в избытке настроили домов и квартир, на данный момент пустующих, потому что их некому продать, и в то же время там достаточно людей, которые живут в палатках.

В одних отраслях не хватает рабочих рук, в других – они в избытке. В одних местах расточаются излишки продовольствия, а где-то его не хватает даже для удовлетворения элементарных потребностей. В некоторых больницах врачи скучают от безделья, потому что им не хватает пациентов, а в других не успевают спасти человеческие жизни.

Если брать в целом, то в развитых странах на рынке существует избыток предложений потребительских товаров и в то же время – дефицит покупательской способности. В *skazonych konsumeryzmie* безумных потребительских обществах бесспорна гипертрофия потребностей, в то же время очевиден дефицит экономических возможностей их удовлетворения. Тогда как подавляющему большинству все время не хватает денег, чтобы купить необходимое, многих предпринимателей обременяет избыток производственных сил, которые они не могут выгодно эксплуатировать, потому что некому продавать товары, которые возможно будут произведены. Из всего этого можно сделать вывод, что в зависимости от той или иной точки зрения всего либо слишком много, либо слишком мало. С этим согласятся даже экономисты.

Наибольший дефицит в современной экономике дает о себе знать там, где нужно сохранять умеренность. Повсеместно не хватает умеренности. И именно ее в перспективе должно быть больше всего. Это и есть один из фундаментальных канонів политической экономии будущего. Необходимо создание механизмов уравнивания потоков и хозяйственных запасов. «Не изобретайте велосипед!» - может сказать кто-

то из вас, – «здесь нет никакой новизны». На самом деле в предлагаемом здесь подходе много нового, потому что он нисколько не исходит из иллюзорных принципов, присущих некоторым другим течениям экономики. Они заключаются в том, что рыночные денежные механизмы способны решать проблемы дефицитов и излишков, то есть динамически уравновесить экономику. Если бы это было так, мы бы не погрузились в тот хаос и замешательство, в котором находимся, а давно добились бы эпохи благосостояния.

Когда-то – в другой фазе цивилизации и при намного низшем уровне общего развития – в некоторых странах пытались преодолеть этот синдром путем применения централизованного приказного планирования, для этого требовалась национализация средств продукции и бюрократический контроль хозяйственных процессов. Теоретически эти шаги должны были исключить расточительные кризисы перепроизводства, свойственные плохо урегулированной капиталистической экономике, а на практике привело к возникновению социалистической экономики, которая характеризуется структурными дефицитами. Выдающийся венгерский экономист Янош Корнаи трактовал дефицит как главный, конститутивный признак такой системы и назвал ее "экономикой дефицита" [7]. Из такой неэффективной системы удалось выйти почти везде – кроме Кубы и Северной Кореи, и на сегодняшний день нет опасений относительно того, что кого-то соблазнит повторное испытание этатизмом и приказным планированием как инструментами уравновешивания экономики.

Однако само преодоление синдрома дефицита путем постсоциалистической трансформации уклада от плана к рынку никоим образом не решило проблему недостатка общего равновесия. Также в странах, которые никогда не испытывали соответствующих дефицитов реального социализма, дают о себе знать многочисленные дефициты. Как минимум, это экспорт, или бюджетные доходы, или же не хватает тех или иных специалистов, в иной раз определенных материалов и т.д. Ну, и не говоря о здравом смысле, все время не хватает времени, хотя в общественном масштабе его расточительство весьма существенно. Вместе с тем все время чего-то слишком много. Мало что в этом мире находится в состоянии такого перманентного неравновесия, как экономика.

Следует сразу сказать, что исходя из ее сущности, то же самое будет происходить и в будущем. Лучше или хуже, но механизмы уравновешивания потоков спроса и предложения действуют недолго, даже в более длинных временных промежутках определенных типов потребностей и возможности их удовлетворения, а состояние равновесия может выступать только переходным периодом. Нормальное состояние экономики – это перманентное неравновесие с кратковременными эпизодами, когда линии предложения и спроса, продукции и продажи, доходов и расходов пересекаются. **В этом вся ее реальность.** Только в

теоретических моделях равновесия достичь очень легко, ведь то, что должно пересекаться на наглядных диаграммах, всегда пересекается в нужном месте.

Не стоит драматизировать по этому поводу, ведь экономика также имеет в своем распоряжении имманентные корректирующие механизмы. Когда доходит до слишком большого отклонения от состояния равновесия, начинают действовать силы, корректирующие диспропорции. Проблема в том, что часто это происходит слишком поздно или с недостаточной силой, или также przestrzeliwując пропускают момент равновесия в том смысле, что из состояния нехватки та или иная категория переходит в состояние избытка или наоборот. Понятно, что в этом случае повышаются средства хозяйствования и снижается его эффективность. Рыночные корректировки необходимо то провоцировать, то ускорять, иногда укреплять или тормозить; одним словом – они нуждаются в регулировании. Кто должен этим заниматься, если не государство?

Государственное вмешательство в рыночную интенсивность движения разных потоков (доходы и расходы, предложение и спрос) и изменений объема запасов необходимо. Стоит прекратить идеологические споры на эту тему и сконцентрировать внимание на техниках того же интервенционизма. В ином случае можно принести больше вреда чем пользы, потому что интервенционизм – занятие рискованное. Чтобы избежать ошибок, вытекающих из этого риска, неолиберализм предлагает оставить все, как есть: не вмешиваться в рыночные процессы, ведь они имеют способность к саморегуляции, то есть к автоматическому уравниванию. А государственный капитализм, излишне вмешиваясь в ведение хозяйства, снижает уровень эффективности.

Новый Прагматизм требует хорошо взвешенной роли государства и межгосударственной координации экономической политики, которые должны корректировать, а иногда – укреплять рыночные механизмы.

Следует так же оптимизировать сферу и инструменты государственного интервенционализма, и вместе с тем не путать средства хозяйственной политики с ее целями. Неустанная забота о равновесии во всех ее проявлениях – это очень важный вопрос, но это всего лишь средство политики, а целью является развитие. Уравнивание экономики должно ему способствовать, а не тормозить его.

Но каждая акция вызывает реакцию. Штабы специалистов – главные юристы в больших фирмах, рассуждают, как поступать согласно праву, то есть в соответствии с постоянно меняющимся регулированием, и при этом остаться при своих интересах. Должно быть рентабельно, должно быть легально, не может быть неморально – это три святых принципа Нового Прагматизма. Должно быть морально, не должно быть рентабельно – будет в согласии с правом, потому что мы его представляем, – это признаки государственного капитализма. Должно быть рентабельно, должно быть

легально, может быть неморально – это три канона неолиберализма. Как настойчиво и в значительной степени эффективно можно добиваться интересов определенных групп, особенно финансистов, можно проследить на попытках и результатах свершившихся законодательных изменений в ответ на кризис в США в 2008-2011 годах [8]. В результате попытки корректировать положение во многих случаях ведут к их ухудшению с точки зрения общегражданского дела.

Это трюизм – считать, что государство, интенционально стремящееся корректировать рынок, не «портит» его еще больше. Случается так, что государство сводит на нет возможность достижения желательных результатов. Ведь не только рынок ошибается, но и правительства, а также центральные банки. Причем нередко. Правительственное регулирование, – а в эпоху неизбежной глобализации – также межправительственное и всемирное – часто реагируют на вызовы из прошлого. А между тем речь идет о будущем. Регулирование должно препятствовать провалам, ошибкам, погрешностям, махинациям, мошенничеству, которые могут возникнуть в будущем, а не тем, которые уже произошли. За это извиняются, отчитывают, освобождают, карают, заключают в тюрьму. Можно провести аналогию с авариями и катастрофами, после которых усиливается технический контроль, вместо того, чтобы сделать это заранее, предотвратив причины потенциальных несчастий.

Упал самолет – проверяется техническое состояние всех, которые не падали, в то время как достаточно было бы проверить отдельные перед несчастным случаем. Большое наводнение прервало неконтролируемый заградительный вал – по факту контролируются все валы, тогда как хватило бы проверки слабых мест заранее, чтобы избежать катастрофы.

Государственный интервенционизм в системном характере должен верифицировать фундаментальные недостатки рынка и корректировать эксцессы в сфере преувеличенно неравномерного распределения доходов, а не стараться подменять рынок в его аллокационных функциях. Интервенционизм должен отрешиваться от обобществления частных потерь. В будущем сложность рыночных процессов может облегчать злоупотребление им с целью увеличения выгоды все более распространяющегося частного предпринимательства. Парадоксально, но в настоящее время появляется все больше способов перебрасывания расходов частного капитала вследствие неудач на плечи налогоплательщиков. Но это одна сторона медали.

Есть и другая. Во всех типах рыночной экономики – но, наверное, более часто в государственном, чем неолиберальном капитализме, – распространяется так называемый клиентелизм, когда государственное регулирование и правительственная политика выслуживаются перед политическим, бюрократическим и бизнесовым *koteriom* кругами, вместо того чтобы корректировать недостатки рынка. Это имеет столько же

общего с рыным интервенционализмом, как неолиберальные кэнты с честными (добросовестными) интересами.

Противопоставить себя этому может только общество, хорошо организованное в сильном институциональном государстве, в основе которого – прогрессивная законность. Именно поэтому неолиберализм стремится к "малому или «дешевому» государству, ведь небольшое и недорогое – значит слабое. Если государство может быть относительно небольшим без ослабления своей интервенционной функциональности, выбирать нужно именно такое направление. Если это невозможно, нужно быть "большим" или "дорогим", потому что за ценные публичные услуги – также и в виде гарантирования законности – нужно платить дороже, чем за товар плохого качества.

Если хотят добиться регресса в рыночной экономике – достаточно запустить механизмы необузданной свободы. В данном случае ее печальное будущее станет лишь вопросом времени. Если же целью является прогресс – уместными будут лишь соответствующее регулирование и взаимодействие с государственной интервенцией. В длительном периоде и в макроэкономическом масштабе в этом может помочь разработка стратегических индикативных планов, которые с течением времени расширят временный горизонт на последующие годы с тем, чтобы не сокращать перспективу. В будущем на высоте окажутся те страны и региональные интеграционные группировки, которые сумеют лучше воспользоваться этим инструментом.

В отличие от корпораций частного капитала, которые часто желают сохранять свои стратегические планы в тайне (ведь каждая порядочная корпорация имеет планы), в случае государств и их связей познание далекоидущих намерений ни в чем не повредит конкурентоспособности, а через общую мобилизацию – в том числе и конкурентов – может еще больше способствовать развитию.

Стоит также отметить, что как Соединенные Штаты не справятся без соответствующего стратегического плана по составлению публичных финансов, которые пребывают в плачевном состоянии, так и Европейский Союз не сможет упорядочить свои интересы в финансовой сфере. Понимают это и китайцы, которые форсируют проблему как бы с другой стороны, все время основываясь на макроэкономическом пятилетнем планировании, но уже не приказном, а стратегическом и индикативном. С каждым следующим периодом (на данном этапе реализуется уже двенадцатый пятилетний план, 2011–2015) экономика становится менее плановой и более рыночной. Индикативное планирование применяется также в Индии, которая не отказывается от этого инструмента управления развитием экономики, вместе с тем на протяжении нескольких лет – спокойно и разумно, без неолиберальных эксцессов – ее дерегулируя.

На фоне всех вышеупомянутых разсуждений нетрудно прийти к выводу, что Новый Прагматизм согласовывается с ранее анализируемой гипотезой компенсации, где идет речь о том, что чем более развита глобализация, тем "больше" государство, то есть отношение публичных расходов к национальному продукту растет. Естественно, здесь идет речь об *zrelatywizowanie* отношении их суммы к продукту мирового брутто, следовательно к сумме продуктов брутто всех стран. Среди них будут такие, в которых сбалансированному развитию поспособствует редукция расходов, а в других случаях возникнет требование увеличить фискальный масштаб редиистрибуции.

Одним из атрибутов метода, который здесь описывается, является более глубокое распознавание механизмов и силы влияния процессов, которые в будущем приведут к тому или иному положению, а не о самом прогнозировании этих положений. Речь идет о демонстрации динамических путей к будущему, то есть способов достижения задуманных целей, а не самого статичного будущего. Ценными методами экономической мысли о будущем, благодаря которым мы приходим к целесообразным предложениям и правильным решениям, являются вариативные ожидания, альтернативные сценарии, размышления в виде прогнозов, а также микроэкономические эксперименты.

Такой методологический подход никоим образом не ликвидирует риска ошибки полностью, но ограничит его масштаб. Потому что вероятность возникновения непредсказуемых событий – особенно в более отдаленном будущем – больше, чем возможность возникновения непредсказуемых процессов. Ведь многие из них уже укоренились и продолжаются до сих пор. Будущих событий еще нет и некоторое из прогнозируемых, по-видимому, вообще не возникнут, но при этом многие процессы уже стартовали и идут. Также те, о которых мы знаем очень мало, потому что в свое время не сумели обратить на них достаточно внимания.

Новый Прагматизм выражает стратегический подход к будущему. Ему не чужды ни направления глобальных видений, ни более или менее популярные видения предостерегающих прогнозов, однако он подходит к будущему принципиально активно. Хорошая экономика – это не только описание мира, то также его инструмент изменения к лучшему. Принимая во внимание долгосрочные, перспективные тенденции развития, стоит прорабатывать полезные стратегии в их желательной направленности, что облегчит решение не одной проблемы и поможет избежать не одного экономического несчастья.

Итак, Новый Прагматизм – это нормативное следствие дескрипторной трактовки, которую я представил ранее как теорию коинциденции развития [9]. Акцентирует она значение определенного – всегда конкретного, но разнообразного во времени и пространстве –

совпадения детерминантов развития. Именно это лапидарно выражает сентенция, что все происходит, как происходит, поскольку многое происходит одновременно. Этот принцип обязывает нас всегда пребывать в будущем. Исходя из описания, анализа и интерпретации того, что произошло в прошлом и что происходит в настоящее время, мы доходим до оценивания и постулирования действий, которые в будущем должны образовать определенное положение вещей, то есть явлений и процессов – чтобы они действовали в желательном направлении и темпе общественно-хозяйственного развития.

Совпадение, наложение и проникновение разнообразных факторов является именно тем многослойным, гетерогенным "магическим камнем", который в будущем сможет сделать то, что в иных случаях казалось невозможным.

Список использованной литературы

1. Andrew G. Berg i Jonathan D. Ostry, *Inequality and Unsustainable Growth: Two Sides of the Same Coin?*, „IMF Staff Discussion Note”, SDN/11/08, International Monetary Fund, Washington, DC, April 8th, 2011.
2. Piotr Sztompka, *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*, Wydawnictwo Znak, Kraków 2007.
3. Grzegorz W. Kołodko, *Cele rozwoju a makroproporcje gospodarcze*, Szkoła Główna Planowania i Statystyki, Warszawa 1984.
4. Derek Bok, *The Politics of Happiness: What Government Can Learn from the New Research on Well Being*, Princeton University Press, Princeton, NJ, 2010.
5. Richard Wilkinson i Kate Pickett, *Duch równości...*, *op. cit.*
6. Grzegorz W. Kołodko, *Minliwij swit*, Nacionalna Akademia Nauk Ukrainy, Kiev 2012, s. 289 i n.
7. János Kornai, *Economics of Shortage*, North-Holland, Amsterdam 1980. W Polsce dzieło to ukazało się pod eufemistycznym tytułem *Niedobór w gospodarce*, Państwowe Wydawnictwo Ekonomiczne, Warszawa 1985.
8. Ron Suskind, *Confidence Men. Wall Street, Washington, and the Education of a President*, Harper, New York 2011.
9. Grzegorz W. Kołodko, *op. cit.*, s. 343-361.

Розглянуто альтернативні платформи розвитку ринкової економіки, показано, що новий прагматизм, заснований на мінімізації нерівномірного розподілу доходів, дозволяє досягти більшого зростання суспільного задоволення, ніж при зростанні нерівності. Наведені результати вказують ті важелі, які в першу чергу повинна задіяти держава в ході регулювання розвитку економіки.

Ключові слова: нерівність, неоліберальний капіталізм, новий прагматизм, індекс Джині, трансформація системи цінностей.

Alternative platforms of market economy development are explored, it is shown that the new pragmatism, based on minimization of the uneven distribution of income, allows for more substantial increase of social satisfaction than with the growth of inequality. These results demonstrate the levers, which, first of all, must utilize the state in the regulation of the economy.

Key words: *inequality, neoliberal capitalism, the new pragmatism, the Gini index, the transformation of the system of values.*